

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ КАК СПОСОБА ОЗДОРОВЛЕНИЯ ДЕТСКОЙ ПСИХИКИ В ПЕРИОД БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА (1941–1944 ГОДОВ)

*Работа представлена кафедрой истории России и зарубежных стран Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей социально-гуманитарных наук
Республиканского гуманитарного института СПбГУ.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Г. Л. Соболев

В статье раскрыта одна из сторон феноменов времени: значение наблюдения за эволюционными процессами в природе как механизма компенсации неврозов у детей, взаимодействие мифо-утопических феноменов детского сознания и оздоровительной деятельности педагогов. Материал получен в результате кросскультурного анализа блокадного и постблокадного сознания петербуржцев.

The article is devoted to one of the sides of the time phenomena: the importance of observation on evolutionary processes in the nature as a mechanism of children's neuroses compensation, interaction of mythical phenomena of their mind and teachers' health-improving activity. The material is a result of a cross-cultural analysis of Petersburgers' conscience during the siege and after it.

Проблема функционирования времени в детской психике – одна из ключевых для психоисторических исследований. Сошлемся на книги Н. Брауна, анализировавшего историческое сознание, исходя из феномена отсутствия времени в бессознательном ребенка, и Р. Кеннеди, изучавшего феномен прерванного времени в бессознательном невротической психики, травмированной детскими переживаниями. Анализ функционирования исторического самосознания как основного средства самоидентификации личности данными авторами позволяет сделать вывод о формировании особых форм самосознания, основанного на трансформациях «разорванного времени» как следствия глубоких психических травм¹.

Следует, однако, указать, что интуитивная педагогическая деятельность талантливых педагогов-женщин в условиях исторических катастроф (как в период блокады Ленинграда) бывает направлена на корре-

ляцию подобных нарушений. Эта деятельность совпадает с интуитивной коррелирующей деятельностью детского мифо-утопического сознания. Данная особенность была выявлена нами в процессе кросскультурного исследования исторического самосознания петербуржцев-ленинградцев, организованного в 2003–2007 гг. как совместное историческое творчество студентов, преподавателей, ветеранов². Задача нашего исследования – показать возможность реконструкции исторического самосознания уже в условиях психической травмы и сохранение функционирования историко-временного самовосприятия у детей и женщин.

В качестве основного исследуемого феномена возьмем естественно-историческое время, понимаемое как универсум жизненного ритма, важный равно и для живой природы, и для общества. Методология кросскультурного исследования позволяет выявить свойства такого универсума,

опосредованные воображением и вербальной деятельностью. В качестве инструмента используется феноменологический анализ различных пластов исторического самосознания. Для анализа феноменального восприятия используем воспоминания ветерана педагогического труда, лауреата ВДНХ 1962–65 гг. за достижения в оздоровительной работе с детьми дошкольного возраста К. М. Лобановой (1913–2006), сделанные в течение 1969–2006 гг., и О. Н. Гречиной (1922), записанные в 1978–81 гг., а также их творческий анализ студентками педагогического колледжа № 5 Е. Петровой и З. Косенковой в 2005 г. Все документы составляют часть фонда народного музея педагогического колледжа № 5 «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда»³.

Мне посчастливилось беседовать с Кирой Михайловной Лобановой летом 2006 г. Несмотря на ее преклонный возраст (93 года), ясные ум и память позволили восстановить многое из происходившего в те трагические дни. Детсад № 46 не эвакуировался и оставался в городе вплоть до 1945 г. Основным способом спасения детей педагоги считали необходимость выведения их из невротического состояния, которое не покидало детей даже в летние месяцы на сравнительно тихой даче в Юкках (Токсово).

Рассмотрим элементы игровой практики К. М. Лобановой в лагере в Юкках летом 1942–1943 гг. Воображение и логика педагога актуализировались материнством и занятиями с детьми оздоровительной физической культурой⁴. В своих воспоминаниях Кира Михайловна сообщает:

«(IV, 5) ...Выехав на дачу, я заметила, что словарный запас у детей очень бедный, и стала думать, чтобы сделать такое, чтобы развить любознательность у измученных наших детей. Я решила устроить уголок природы, у нас была банка с плавунцом, и дети видели, как он набирает воздух и делает себе воздушный колокол, в

банке мы держали лягушачью икру и время от времени приносили новую. Таким образом, дети могли видеть развитие головастика. Во время прогулки, собирая грибы, мы устанавливали их в тарелках, красиво оформляя, и знакомили детей со съедобными, ядовитыми грибами. Поймав красивую бабочку, мы помещали в большую банку, чтобы дети смогли рассмотреть бабочку. Так мы познакомили детей с бабочкой адмиралом, павлиний глаз, боярышницей и с мелкими красивыми бабочками.

Мы нашли упавшего из гнезда сорочонка, который прижился у нас на участке, и мы видели, как он интересно играет с блестящим шариком. Это детям нравилось. Мы сделали коробку под стеклом, куда помещали разных жуков, вредных и полезных. Дети могли в этих коробках хорошо рассмотреть бронзовика и дровосека, и майского жука и т. д. Особенный интерес у детей вызывали гусеницы крапивницы. В огромную банку я нарвала много-много (6) крапивы и поместила туда штук 50–60 гусениц крапивницы. Гусеницы поедали крапиву, окукливались, а через 21 день стали появляться бабочки. Они появлялись постепенно, и дети могли видеть, как из куколки вылезает бабочка, у нее скручены крылья, она их выпрямляет. Они у нее высыхают, твердеют, и бабочка начинает летать. Я заметила, что дети разглядывают разные объекты. У них появилось больше разных слов, связанных с тем, что они видят. А когда нам принесли котеночка, которого дети не видели в течение всей войны, наконец, у детей появилась улыбка и даже радостные восклицания.

VIII. Дети тихо улыбались и проявляли какую-то радость, но до 43 г. они не очень-то разговаривали. Многие вещи дети забыли как называются (пища, например), спрашивали: «А это как?»⁵.

Данная практика неоднократно подчеркивалась Кирой Михайловной как оздоровительная в частых наших беседах. Она многократно останавливалась на ней в сво-

ем анализе оздоровительного значения для детской психики игр на свежем воздухе и наблюдения за развитием живой природы⁶.

Наблюдение за развитием куколок-бабочек имеет значение не только для формирования живого воображения ребенка. Кира Михайловна справедливо установила взаимосвязь между многократным наблюдением за эволюцией природного организма и развитием речи, при травмировании восприятия ребенка бомбежками и видом смертей, в том числе собственных родных.

Эмоциональное выздоровление детей, на наш взгляд, было связано с актуализацией мифо-утопических пластов языковой деятельности в процессе игры – наблюдений за живой природой. Сравним с элементами игры, описанной в своих воспоминаниях Ольгой Николаевной Гречиной:

«Когда мы гуляли во дворе, как положено, дети начинали копать в песке. 11 мая 1943 года в своем дневнике воспитателя, который чудом сохранился, я записала одну из детских игр во дворе. Привожу ее в том виде, как записала тогда: «Дети сегодня нашли во дворе какую-то ямку и стали ее раскапывать, приговаривая: “Давайте, давайте рыть скорее. Там ведь наши дитеньки. Их всех немцы убили”. Лида: “Там, мой Вовочка”, Руфа: “И моя Лиленька и бабушка”».

Юра Столыпин подошел и ударил лопаткой по песку у ямки.

Руфа Дмитриева его остановила: “Юрка, как тебе не стыдно! Там же наши дитеньки спят! Давайте рыть дальше. Мы их достанем! Я шепну бабушке что-то на ушко, и она проснется!”<...>

Холодом блокадной зимы вдруг повеяло от майского дня. Я поняла, что почти все эти дети не забыли, как выглядит Смерть. Оторвать девочек от этой игры было очень трудно. Она их увлекла и повторялась очень часто.<...> Недаром и Лида Сорокина, попав впервые в дом к Наталье Ивановне, не давала новой мате-

ри уснуть, помня о том, как не проснулась та, родная»⁷.

Анализ семантики понятий детиньки – куколочки позволяет установить феноменологическую связь между мифо-утопическим значением детинек – куколок, использованным в древних похоронных ритуалах как символ постоянного возрождения, и элементом детской игры в мае 1943 г.⁸ При этом инициатива воспитателя (в то время молодой девушки, студентки, филолога) была направлена на прекращение игры, испугавшей ее. Наше внимание к данному эпизоду в воспоминаниях привлек анализ студентки, использовавшей этот фрагмент в своем сочинении в 2005 г.⁹

Феноменологические подробности, отмеченные при наблюдении данных явлений, позволяют заметить восприятие «детинек» – «куколок» – «личинок» как пограничного явления, функционирующего на границе жизни и смерти, начала и конца, феноменально воспринимаемого образа исторически непрерывного развития жизни из «Небытия» в «Бытие». При этом природа демонстрирует ребенку эволюционное значение условного «Небытия». Языковые феномены в данном случае исторически закреплены религиозными ритуалами, которые своеобразно проявляются в игровой практике, где детское сознание корреспондирует с материнским.

Оздоровительное значение такой феноменальной деятельности можно увидеть на фотографиях, сделанных педагогами в Юкках в 1942 г. и переданных народному музею. На снимках видны изменения психического состояния детей в течение летних месяцев 1942 г. от очевидного невроза, проявляющегося на коллективной фотографии как замкнутость, «изгойничество», «избегание» отдельных детей в группах, до дружного коллектива, способного на эмоциональное взаимодействие. Эти фотографии являются уникальным свидетельством возможности компенсаций в процессе игровой деятель-

ности разрушающего воздействия военных травм на психическую деятельность детей, в том числе связанных с самоиден-

тификацией, через естественно-историческое наблюдение за живой природой и самонаблюдение¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Brown N.* Life against death, L: Routledge and Kegan Paul, 1959. P. 93: « If we connect – as Freud did not – the repetition-compulsion with Freud`s reiterated theorem that the instinctual processes in the id are timeless, then only repressed life is in time, and unrepressed life would be timeless or in eternity». («Если мы свяжем – поскольку Фрейд этого не делал – повторение-принуждение с Фрейдистской повторенной теоремой, что инстинктивные процессы в id вневременные, то только подавленная жизнь происходит во времени, и неподдавленная жизнь была бы бесконечной или в вечности.»); *Kennedy R.* Psychoanalysis, History, and Subjectivity: now of the past. Brunner-Routledge, Hove, 2002. P. 52: «...прошлое только требует исторического исследования настолько, насколько оно не может быть вспомнено. Акт исторического исследования создает память. Клиническая виньетка может проиллюстрировать этот взгляд».

² О кросскультурной методологии: *Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М.: Когито-центр, 1997. Ср.: *Газиева Л. Л.* Инновации при организации учебно-воспитательной работы (историко-психологический подход): Современные педагогические технологии в обучении и воспитании учащихся. СПб.: ГОУ «ИПК СПО», 2004. С. 134–138.

³ Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда». Ф. БВ. Д. 12/3 (Лобановой К. М.). Машиноп. и рукописные списки; Ф. БВ, Д. 10 (Гречиной О. Н.). Документы опубликованы в: Эта память – наша совесть... // Сб. материалов научно-практической конференции / Сост. Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева. СПб., 2007.

⁴ Кира Михайловна работала с 19 марта 1942 г. по 26 августа 1968 г. преподавателем физического воспитания в детском саду № 46 г. Ленинграда (с перерывом с 10.03.1946 – 30.03.1954 г.). Она родила 17 декабря 1943 года сына Юрия, все время беременности и после родов продолжая работать, см.: Эта память – наша совесть... С. 239–240.

⁵ Эта память – наша совесть... С. 234. Римскими цифрами указан номер списка, арабскими – лист рукописи.

⁶ *Лобанова К. М.* Осенние прогулки // Дошкольное воспитание. 1969. № 10. С. 33; *Она же.* Весенние прогулки // Дошкольное воспитание. 1971. № 4. С. 11; *Она же.* Творческие игры детей блокадного Ленинграда // Дошкольное воспитание. 1988. № 6. С. 22 (публикация была перенесена издательством).

⁷ Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», Ф. БВ. Д. 10. См.: Эта память – наша совесть... С. 209, 212–213.

⁸ Семантическое поле слов, связанных с необычным употреблением детьми понятия «дитеньки»: Дид – курск. нечистый, некошный, бес (некошный или некошный – нечистый, дьявольский. Сравним «Кощей бессмертный» и образ не кошенной Временем травы). Дьдъ, языч. дидъ, ладо. Дитва, употр. вм. дьтва – детки, куколки, гусеницы пчел. Дитва в Поволжье также употреблялась в смысле возжа, повод, снасть, оборотна в мор. деле, или уды (сравним с удами, которыми правит время повозкой жизни и судьбы). Дьтина, дьтинка – парень, малый, взрослый или почти взрослый человек. Дьтинуха – квочка, наседка – в пск. дитятко употр. как ум. – ласкат и ко взрослому, у зап. – рус. вместо дитятко употребляется – дитухно. (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. С. 437–438). Ср. в польском детка – dziecinko.

⁹ *Газиева Л. Л., Дмитриева Е. Н.* Феномены времени и судьбы в блокадных дневниках. Историко-психологическое исследование // Борьба за жизнь: Сб. материалов научно-практической конференции. СПб.: ГММОБ, 2006. С. 44–55.

¹⁰ Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», Ф. БВ. Д. 12/3. № 4734/1; 4734/2.